

ВЕРА НОВИЦКАЯ

Басурманка

Вера Новицкая
Басурманка
Серия «Книги на все времена (Энас)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8980240
Басурманка / Вера Новицкая: ЭНАС-КНИГА; Москва; 2012
ISBN 978-5-91921-060-3

Аннотация

Дочь француженки-гувернантки после смерти матери остается в барском доме помещиков Трояновых, где ее воспитывают как родную дочь.

Отечественная война 1812 года заставляет подростковую девочку вспомнить о том, что она «басурманка». Трепетное горячее сердце и поддержка семьи помогут ей справиться со всеми невзгодами.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вера Новицкая Басурманка

Глава 1

Красиво раскинулся на пригорке величественный барский дом. Ослепительно белыми кажутся его массивные колонны и стены в ярком, причудливом освещении заходящих июньских лучей; сверкающей снежной громадой высится он среди изумрудного моря пышной листвы. Словно верные телохранители, обступили его со всех сторон могучие кудрявые липы. То неподвижно, как бы прислушиваясь, стоят они, то, будто готовые дать отпор, вытягиваются во весь свой гигантский рост, с гордо приподнятыми головами, то, видимо, успокоенные, с заботливой нежностью склоняют могучие ветви над дорогим своим детищем.

И дальше, по всем направлениям, вдоль всего громадного чудного сада, спускающегося до блестящего озера, и в противоположную ему сторону, – всюду стройными размеренными рядами тянется бессловесная зеленокудрая стража; точно заколдованные воины, стоят густолиственные великаны, готовые при малейшей опасности выступить дружной, тесной ратью против неприятеля. Но до сих пор никакое вражеское нашествие не грозило владельцам Благодатного; беспечально и радостно протекала здесь жизнь, оправдывая данное родовому гнезду название.

Вот и теперь из глубины тенистого сада неслись веселые возгласы, звонкий молодой смех.

Позади цветников с затейливыми клумбами, фонтанчиками и всякими другими произведениями искусных рук на просторной зеленой полянке, еще залитой солнцем, горелки¹ были в полном ходу.

Молодые лица пылали румянцем и искренним, беззаботным весельем.

Едва раздался призывный возглас: «Птички летят!» – как с одной стороны кинулся бежать широкоплечий молодой человек, лет двадцати восьми, с добрым веселым, но совсем некрасивым лицом, с другой – высокая полная брюнетка, производившая, несмотря на свои тринадцать лет, впечатление взрослой барышни.

Хотя эта девочка не отличалась особой ловкостью и бежала гораздо медленнее своего быстроногого сотоварища, почему и поймать ее было несравненно легче, тем не менее «горящая» девочка опрометью кинулась за более трудной, а потому и заманчивой добычей.

Стрелой полетела она наперерез двум бегущим. Полудлинное, пышное кисейное платье розовым облаком развевалось вокруг ее тоненькой фигурки. Со скоростью и ловкостью белки неслась она, делая быстрый скачок то вправо, то влево, то поспешно поворачиваясь назад, сообразно тем уловкам, какие принимал ее противник.

Все играющие с живейшим интересом следили за состязанием, так как до сих пор Николай Михайлович, теперешний противник девочки в розовом, оказывался непобедимым. Визг и сочувственные возгласы то одной, то другой стороны неслись из всех уст.

– Скорей, скорей, Женя! Уж Нелли сейчас добежит до Николая Михайловича!

– Николай Михайлович, не поддавайтесь! Ай-ай! Она сейчас схватит вас!

– Не схватит, а уже схватила! – раздался звонкий торжествующий голосок.

– Ур-ра!.. Поймала!.. Я – первая! Я! Только я, одна я!..

Розовая девочка, совсем по-детски, сперва чуть-чуть присела на согнутых коленях, потом с тем же торжествующим: «Ур-ра!» – запрыгала на двух ногах сразу.

– Браво, Женя!

– Ай да Женя!

– Молодец!

¹ Горелки – русская народная игра, в которой один из участников («горящий») ловит других, убегающих от него поочередно парами.

– А что, Николай Михайлович, спасовали? Сконфузили вас? А?

Но побежденный добрым и приветливым взглядом смотрел на свою победительницу. Да нельзя было и не залюбоваться ею в эту минуту.

Продолговатое нежно-розовое личико было обрамлено целой шапкой каштановых кудряшек с как бы продетыми в них золотистыми нитями, отчего вся головка была точно усыпана блестящими искорками. Казалось, солнечный луч, однажды запутавшись в этих золотых завиточках, не смог более выбраться оттуда. В светло-карих блестящих глазках сверкали те же искорки, что и в волосах. Тоненькие, немного светлее волос, брови, острый носик, маленький пунцовый рот с мелкими, как у мышонка, зубами – все это было ярким воплощением юности, бьющей ключом жизни, молодого искрящегося веселья и задора. Тоненькая, хрупкая, с крошечными руками и ногами, эта почти пятнадцатилетняя девочка-подросток производила впечатление двенадцатилетнего ребенка.

Тоненькая, хрупкая девочка-подросток производила впечатление двенадцатилетнего ребенка.

– Жень, а теперь нас! Нас поймаешь? Хорошо? А вот нет! Хочешь пари, что нет? Ну, только попробуй! Вот не поймаешь, и стыдно будет, – заискивающе смотрели ей в глаза, опасаясь получить отказ и стараясь ее раззадорить, братишка Боря и его гость Митя, один семи, другой девяти лет.

– Подумаешь, штука! Большие! – смеющимися глазами, но несколько свысока оглядывая их, проговорила девочка.

– Ты напрасно говоришь, это совсем не так легко, я о-го-го как скоро бегаю, даже Николай Михайлович не всегда может поймать меня, вот увидишь, – хвастал Боря.

– Ну, так и быть. Марш, карапузы, оба сразу! Обоих догоню, хотите? Ну, летите, птички!

Не успели мальчуганы разбежаться в разные стороны, как Жень быстро метнулась вправо, ухватила за рубашонку Борю и, держа добычу в одной руке, кинулась за Митей.

– Есть и второй! – через мгновение воскликнула она.

– А теперь за это оба вместе и горите. Эй, птички! Юрий Николаевич! Китти! Летите!

Стройная хорошенькая блондинка в точно таком же, и как Жень, розовом платье и молодой шатен в студенческой форме, обежав с противоположных сторон круг, к огорчению обоих бутузов, веселые и возбужденные, подали друг другу руки.

– Китти, Жень! Скоро подадут ужин, надо возвращаться домой! – раздался в это время за спиной играющих голос гувернантки, мисс Тоопс.

– А-ах, «мисочка»², вы всегда не вовремя! – капризным тоном протянула Жень. – Как только весело, непременно или пить, или есть нужно! Главное, даже ведь еще и нет вашего противного ужина. Говорите «скоро будет», ну и мы скоро будем. А теперь, Топсик, миленький, уходите вы домой, дайте нам еще полчаса побегать.

– Но, Жени, может быть, гостям угодно закусить...

– Ничего им не угодно, Топсик! А если и угодно, так подождут, потом с большим аппетитом покушают. Правда ведь, гости, вы больше играть хотите, чем есть?

– О, конечно, но, может быть, мы задерживаем? – вежливо осведомились студент, бегавший только что с хорошенькой блондинкой в розовом, и его сестра, Нелли, рослая тринадцатилетняя девочка.

– Никого мы не задержим, я уверена. Если мы бегали и то есть не хотим, то папа́ и мама́, которые все время сидели, тем более не хотят. Правда, «мисочка»? Ну, так идите и скажите, что мы через полчаса будем, может, на каких-нибудь минут пятнадцать опоздаем... – ластясь к англичанке, тараторила Жень.

– А теперь, господа, за дело! Нелли «горит». Мы с тобой «летим», Сережа, – обратилась она к черноволосому курчавому юноше, почти мальчику, без всякой растительности на веселом открытом лице, со смеющимися черными глазами.

– Ну, раз! Два! Три-и!..

Не успела оглянуться и пробежать нескольких шагов малоповоротливая, медлительная Нелли, как быстрые и ловкие, как птицы, Сережа и Жень уже «слетелись» в положенном пункте.

– Не поймала! За нами опять очередь. Еще летим! – снова радостно прыгала возбужденная Жень.

Но вторичный бег был менее удачен. Едва Сережа сделал несколько шагов, следом за ним ринулась Нелли. Казалось, неповоротливой девочке не угнаться за юрким юношей, как вдруг, не добежав нескольких шагов до конечной цели, Сережа под громкий хохот окружающих во всю длину растянулся на лужайке и был пойман подоспевшей Нелли.

² Разговорное от англ. miss – обращения к незамужней женщине.

– У-у, медведь неповоротливый! – хотя и тоже смеясь над комично растянутой фигурой юноши, но все же недовольная, слегка покраснев, проговорила Женя.

– Что ж, значит, я горю! – и она стала во главе играющих.

Дважды приходилось Жене быть в паре с Нелли, когда «горел» Сережа, и оба раза, едва отбежав несколько шагов, Нелли давала юноше поймать себя, а Жене приходилось снова «гореть».

– Это не игра! Это нечестно! Я больше не играю! – загорячилась девочка и, вся вспыхнув, со сверкающими глазами отошла в сторону.

– Женя, успокойся, ради Бога, – приблизившись, вполголоса урезонивала ее Китти. – Ведь неудобно же, невежливо. Нелли – гостья.

– Гостья! Так я из-за нее, как почтовая лошадь, бегай, а она нарочно Сережке поддаваться будет? Гости тоже должны быть деликатными и честными, да, честными. А так это не игра!

Зная по опыту, как нелегко в подобные минуты сразу успокоить добрую сердцем, но вспыльчивую и горячую Женю, Китти предоставила девочке уйти на боковую дорожку, в ее излюбленный для «дутья» уголок, а сама направилась к остальной компании.

Едва увидев приближение девушки, от группы молодежи отделился и быстрыми шагами поспешил к ней навстречу студент Юрий Муратов. Настигнув ее, молодой человек несколько взволнованно проговорил:

– Китти, можно мне поговорить с вами? Теперь же, сейчас? Скоро ведь позовут ужинать, а мне так нужно, так необходимо сказать вам кое-что!.. Сегодня я целый день искал случая, и все кто-нибудь да мешал.

– Конечно, можно. Говорите, я слушаю.

Китти подняла на собеседника свои большие синие глаза. От того, что она прочла во взгляде студента, во всем выражении его каким-то внутренним светом озаренного лица, дрогнули и опустились длинные ресницы девушки; горячий румянец залил ее нежные щеки, заставив порозоветь маленькие уши, сильнее и радостнее забиться сердце.

– Только не здесь. Ради Бога! – просил Юрий. – Вот Сережа к нам направляется. Пройдем куда-нибудь, хотя бы сюда, в каштановую аллею, в вашу любимую, – ласково скользнув глазами по милому лицу, слегка дрожащим голосом добавил он.

Девушка безмолвно направилась влево, когда за ними раздался вопрос Сережи.

– Китти, ты не знаешь, где Женя?

– По обыкновению, в своем «будуаре», – на ходу ответила сестра.

– Вы знаете, – уже к своему спутнику обратилась она, – французы уверяют, что будуар – это комната *où les dames boudent*³. Не правда ли, остроумно?

Но ни сама она, ни Юрий, как было бы в другое время, не засмеялись над удачным словом, до которых вообще оба были большие охотники, только светлая улыбка промелькнула по лицам, во взглядах обоих. Но она скорее отражала еще неясное, но радостное чувство, которое дрожало в них, которое они как бы боялись спугнуть громким смехом или посторонним словом.

– Же-ня! – донесся до молодых людей звучный голос Сережи, но ответа на его призыв они не слышали. Впрочем, его и не последовало.

– Что ж ты не отзываешься, Жулинька, а-а? – добродушным тоном обратился Сергей к девочке, опускаясь рядом с ней на большую дерновую скамейку, устроенную наподобие турецкого дивана среди живой беседки уже отцветающей сирени.

Женя, не меняя позы, продолжала молча сидеть, капризно закусив нижнюю губу, нетерпеливо похлопывая ногой об ногу и теребя волан своего кисейного платья.

³ Где дамы дуются (франц.).

– Ну, будет злиться, Жук! Пойдем, а то неловко. Гостью свою, Нелли, одну бросила! Да и ужинать пора, сейчас опять «миска» примчится.

– Давно ли Нелли стала моей гостьей? – насмешливо заговорила девочка. – Кажется, ты гораздо больше ею занят, чем я. Наконец, пусть она и моя, но я великодушно предоставляю ее тебе! Я, язык высунувши, по два часа ради ее потехи больше бегать не стану, понимаешь? Не стану! – снова загорячилась Женя. – Смотреть на ее кривлянья и как она поддается тебе – тоже! Угодно, сам поди разок-другой шлепнись для потехи, нужно будет, и нос себе расквась, а нет – ногу вывихни, авось за это тебя одарят обворожительным взглядом дивных глаз.

Веселая улыбка пробежала по лицу Сережи.

– Кстати, глаза у нее прекрасные, – с ударением произнес он.

– У нее? Давно ли? – даже привскочила девочка.

– Всегда были! – спокойно и весело продолжал Сергей. – Разве неправда? Сама скажи.

– Уди-ви-тель-но! – насмешливо протянула Женя. – Глаза как глаза, в разные стороны не разбегаются. Еще этого не хватало!

– Ну, уж ты не станешь отрицать, что Нелли красива?

– И гра-ци-оз-на... – с величайшим презрением вторила девочка.

– И грациозна! – спокойно подтвердил Сережа.

– Грациозна? Она – грациозна? Ты смеешься, конечно? – снова вскочив и даже заломив от негодования руки, воскликнула Женя.

– Во всяком случае, в десять раз грациознее тебя, – прищулив глаза и пристально глядя в лицо своей собеседницы, тоном, не допускающим возражений, отрезал Сережа.

– Что?! Что такое?! Она?! Она!? Эта тумба грациознее ме... ме-ня?!

Глаза девочки сделались огромными и метали дождь золотых искр.

По мере того как все большим негодованием и обидой разгоралось лицо Жени, в черных смеющихся глазах Сергея мелькали добродушно-лукавые веселые огоньки.

– Смешно даже сравнивать вас! – так же неопровержимо продолжал он. – Она, Нелли, пластически грациозна, вот как любили древние греки, а ты... ты...

– Что я?... – торопила Женя.

– Прости меня, ради Бога, но раз дело пошло на откровенность... Ты возле нее точно... цапля...

– Что-о? Я – цапля?!

– Да, цапля. Еще раз извини. Особенно, когда бежишь: ноги длинные-длинные, только они и мелькают, а там, на самом верху, глядишь, маленькая головенка торчит, да и та вдобавок всегда трепаная. Вот хоть сейчас, – и он указал пальцем на разметавшиеся кудряшки.

– Вот оно что-о! Прекрасно! Теперь я понимаю, почему ты все время избегал быть со мной в паре: вдруг ты – и цапля!!..

На последнем слове голос Жени дрогнул от сдерживаемых слез, и глаза стали влажными.

– Ну, Жулинька, полно злиться, – ласково заговорил Сергей. – Пойдем! Право, нехорошо Нелли одну оставлять, что ни толкуй, а гостья же она, да и ужинать пора.

Но девочка трянула головой и окинула его сверкающими гневными глазами.

– Во-первых, прошу мне кличек не давать, да еще, как сегодня, при посторонних. Я не маленькая и не собачонка какая-нибудь. Небось, с другими вежливым быть умеешь! «Нелли! Нелли!» – с ужимками, слащавым голосом передразнила она. – Противно и глупо. Что за Нелли? Точно нет русского слова: Ленка, Лёлька, вот и все. И никуда я отсюда не пойду, и нечего тебе срамиться с... цаплей вместе идти.

Женя опять проглотила слезы.

– Слушай, Женя, но ведь Нелли все-таки одна.

– Не одна вовсе, и ты, и Лида там.

– Я в настоящую минуту здесь, а Лида тоже гостя.

– Во-первых, можешь и ты идти, а во-вторых, не беспокойся, она свои очаровательные глазки закатывает пока перед Николаем Михайловичем. Ведь ей все равно, этой «греческой богине», перед кем кривляться.

– Ну брось, Жучок.

– Опять! Опять кличка!..

– Но я не знаю, почему ты сегодня за нее обижаешься, ведь я тебя часто так называю. Говоришь «при чужих», но Муратовы свои, их отец слишком старый друг папá, чтобы они для нас были чужими. Кроме того, ты так же хорошо знаешь, как и я, что Китти и Юрий любят друг друга, и семьи наши не сегодня-завтра еще и породнятся...

– Вдвойне... – насмешливо подхватила Женя. – Особенно после того, как ты женишься на «обворожительной» Нелли.

– Скоро ж ты меня сосватала! – широко и весело улыбнулся Сережа. – Однако, пока дойдет до женитьбы, все-таки нужно и себя, и невесту ужином покормить. Так ты не идешь? Окончательно? Ну что ж, значит, я буду вынужден сказать мамá, что ты дуешься, да еще при гостях. Ты знаешь, как это ей приятно.

При последних словах девочка сделала было порывистый жест, но Сережа, не дав ей открыть рта, продолжал, нагнувшись совсем близко к ней.

– А теперь хочешь знать правду, почему я ловил Нелли, а не тебя?

Глаза девочки несколько просветлели и с живым интересом устремились в лицо говорящего.

– Ну-у? – только проронила она.

– Потому, что ты ловка и изворотлива, как мышонок, и я боялся, что все будут смеяться, когда я, долговязый балбес, не смогу справиться с тобой. Поняла? А за той тумбой – только руку протяни – цап, и готово.

– Правда?... Потому?... А не оттого, что я цапля?... Нет? Говори же... Говори! А зачем же ты раньше сказал?... – радостно и недоверчиво, со сверкающим весельем лицом, допытывалась девочка.

– А зачем ты злилась? – вопросом ответил Сергей. – Ах ты, кипучка-кипучка, никак ты нрава своего усмирить не можешь. Ну, а теперь бегом!

Он взял ее за руку и вывел из беседки.

– Сережа, милый, посмотри. Ах, как хорошо! Там, в глубине, налево, – Юрий и Китти.

В ту минуту, когда Женя заметила их, молодые люди, дойдя до поворота аллеи, ведущего к полянке, на которой недавно играли в горелки, остановились, держась за руки и любовно глядя друг другу в лицо. Затем Юрий поднес к губам обе руки Китти, а потом в порыве глубокой нежности прижал к своей груди белокурую головку девушки и поцеловал ее шелковистые волосы.

– Господи, как хорошо, как хорошо! Как я рада! – восторженно воскликнула Женя. – Как они, верно, счастливы, и какие они хорошие! Посмотри на Китти, она точно ангел, точно святая. Ах, какая она прелесть! И ты, Сергуня, прелесть, и ты – милый, такой милый!..

Девочка, вдруг приподнявшись на цыпочки, обвила руками и поцеловала кудрявую черную голову юноши.

– Только зачем ты так дразнишь меня? – укоризненно закончила она.

– А ты, Жучок, не злись, – растроганно и ласково пожал он руку девочки.

– Бежим, бежим! – теперь уже Женя торопила его.

– Китти, милая, ты такая милая! – добежав до девушки, она горячо обняла ее.

– Что это ты, Жучок, так расчувствовался? – глядя счастливыми глазами в веселое личико девочки и от души возвращая ей ласку, спросила Китти.

– Хорошо? Хорошо, Китти? Ведь, правда, хорошо?

Но та ответила лишь вторым горячим поцелуем.

– Нелли, Лидочка, вы, верно, проголодались? – суежилась Женя около подруг. – Идем кушать!

Она ласково взяла Нелли под руку и особенно занялась именно ею, точно стараясь искупить все злое и недоброжелательное, что в порыве раздражения заочно наговорила в ее адрес.

– Грядем, грядем, мамочка! – издали закивала Женя стоявшей на ступеньках балкона матери. – Идем и есть будем!!! Правда, господа?

Вся веселая компания направилась к большой, спускающейся прямо в цветник веранде, обвитой зеленой сеткой высоко взползающего дикого винограда, которая в летнее время заменяла столовую.

– Что, видно, правду говорят: голод не свой брат? Хочется, небось, набегавшись да нагулявшись, червячка заморить? – с веселой улыбкой приветствовала молодежь еще стройная красивая блондинка с ласковыми синими глазами.

– Что касается меня, то червячков этих самых для замаривания у меня, кажется, не один, а целая дюжина завелась, – откровенно заявил Сережа. – Ведь можно уже, мамочка, и ням-ням? Правда?

– Нет, друзья мои, придется чуточку обождать, но не пугайтесь, совсем немножко. Дело в том, что сию минуту приехал из Москвы Дмитрий Петрович и пошел слегка оправиться и переодеться с дороги... Впрочем, – сама себя перебила говорившая, – вот, кажется, они с папá идут.

Действительно, раздались шаги, и в дверях появился грузный, высокий старик лет шестидесяти. Красное лицо с громадными бакенбардами, широким носом, густыми нависшими бровями было бы непривлекательным, если бы не умные, добрые, еще полные жизни глаза, которые не только сглаживали впечатление всего неправильного и расплывшегося лица, но и заставляли с истинным удовольствием останавливаться на нем. Это был приезжий друг дома и крестный отец Сережи, Дмитрий Петрович Сазонов, возвращавшийся из Москвы в свою родовую вотчину.

Следом за ним шел бодрый, цветущего вида военный лет пятидесяти, с открытым приятным лицом и смеющимися большими черными глазами, – сам хозяин Благодатного, Владимир Михайлович Троянов.

– Ну-с, теперь позвольте еще раз поцеловать ваши ручки, моя дорогая Анна Николаевна, – промолвил гость, с истинным дружелюбием целуя одну за другой протянутые ему руки. – Так уж я всегда рад видеть вас, так доволен, когда попаду в ваше поистине благодатное Благодатное, – продолжал он.

– Что-то незаметно, друг мой, – ласковым поцелуем в лоб отвечая на его приветствие, возразила Анна Николаевна. – Не частенько балуете вы нас своими приездами, особенно последнее время.

– Здравствуйте, красавица моя, солнышко ясное! – обратился старик к присевшей перед ним Китти и, сердечно, по-отечески обняв ее, поцеловал в лоб.

– Господи, как растут, как растут-то! И не оглянемся мы, дорогая моя Анна Николаевна, как похитит ее у нас какой-нибудь Иван-Царевич. И молодец будет! – добродушно закончил старик, ласково трепля девушку по плечу.

При его словах румянец ярким заревом залил лицо, уши, даже нежную шею девушки. Она поспешно потупила глаза, точно боясь, чтобы они не выдали чего-то дорогого и милого, притаившегося в их глубине. Румянцем вспыхнули и смуглые щеки Юрия, опустились и его глаза.

Женя, тоже порозовевшая из сочувствия к Китти, с искрящимися глазами, радостная и счастливая, смотрела то на нее, то на Юрия, не в силах скрыть своего тайного удовольствия.

За такие разумные речи, казалось ей, необходимо тотчас же вознаградить доброго старика. Девочка поспешно подбежала к нему.

– Дмитрий Петрович, миленький, а со мной вы не хотите разве поздороваться? – сделав реверанс старику, сказала Женя и подставила ему свою веселую мордашку.

– Не хочу, то есть ни-ни не хочу, – добродушно двигая густыми бровями и смеясь глазами, ответил Сазонов.

Он взял девочку за подбородок и, глядя в ее золотистые глазки, продолжал:

– Ну, а ты когда солидности наберешься? Ведь, поди, годов пятнадцать на белом свете отжила, а все таким же маленьким майским жучком осталась!

Ласково потрепав свежие щечки девочки, он расцеловал ее смеющееся личико.

– А, крестничек дорогой! Ну и молодчинище! Вишь ты, цветущий-то какой, что называется, кровь с молоком. Здравствуй, здравствуй, братец! – старик обнимал уже Сергея. – Рад, сердечно рад, что молодцом таким растешь, крестного своего не конфузишь. Не оглянемся с вами, кумушка, как совсем мужчиной станет...

– И его, того гляди, какая-нибудь королева прекрасная похитит?.. – перебила Женя последние слова старика.

Все ее лицо подергивалось лукавым смехом. Чуть заметно подтолкнув Сережу левым локтем, красноречиво прищурившись, она уморительно скосила глаза в сторону стоящей позади нее Нелли и сейчас же перевела их на Сережу.

Кроме него и Сазонова никто не видел игры ее лица, зато эти двое, хотя безмолвно, но искренне посмеялись.

– Ах ты, стрекоза! – ласково погрозил ей пальцем старик.

Процедура здравования постепенно окончилась; все стали усаживаться за стол.

– Что новенького да хорошенького привезли вы нам на сей раз из Москвы, друг мой? – обратилась к гостю Анна Николаевна.

– К сожалению, мало хорошего, голубушка моя, – голосом, сразу потерявшим всю свою прежнюю веселость, ответил Сазонов. – Грустные, печальные известия привез. В первую минуту так обрадовала меня встреча со всеми вами, что я как будто и позабыл о крупном бедствии, надвинувшемся на нас.

– Бедствия? А что такое? – раздались тревожные вопросы.

– Наполеон со своим войском перешел Неман и вступил в пределы России.

Впечатление от этих слов получилось ошеломляющее. Все ахнули и мигом притихли.

– Французы в России? Так неожиданно! – вымолвила пораженная Анна Николаевна.

– Не столь неожиданно, сколько коварно, – поправил Сазонов: – Ведь возможность войны с Францией все время висела над головой, но наш император не хотел проливать крови. «Я употреблю все усилия, – сказал он, – чтобы отвратить войну, но сражаться сумею и дорого продам свое существование. Мой народ тоже не из тех, кто отступает перед опасностью». – Затем, как рассказывают, государь в беседе с французским дипломатом, указывая ему на карте берег Берингова пролива, добавил: – «Если же Наполеон решится на войну, и счастье будет не на стороне правого дела, ему придется дойти до сих пор, чтобы заключить со мной мир».

– Как это похоже на нашего милого государя! – с восторгом проговорила Анна Николаевна.

– Да, рыцарь, как всегда! – подтвердил ее муж.

– Верным себе он остался и дальше, – продолжал Сазонов.

– Но где сейчас государь? Что с ним? Ведь еще на этих днях он был в Вильне, в двух шагах отсюда, куда вторглись французы, – встревожилась Троянова.

– Да, – подтвердил Сазонов, – в то время, когда Наполеон приказал войскам перейти русскую границу, наш император действительно был в Вильне. Узнав о переправе францу-

зов, по силе и численности более чем вдвое превышающих наши войска, государь отдал приказ по армии, который заканчивался так: «Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и войскам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество и свободу! Я с вами. На зачинающего Бог!» – торжественно закончил рассказчик.

– Да, он весь тут, наш чудный, умный государь! – со слезами в голосе снова проговорила Анна Николаевна.

– Милый, золотой государь! – с искрящимися глазами и пылающими щеками восторженно воскликнула Женя.

Сережа, растроганный, щурил свои черные глаза, словно желая задержать этим движением просящиеся наружу слезы умиления.

Китти сидела с теплящимся влажным взглядом.

Николай Михайлович, все время не сводивший глаз с говорившего, при заключительных словах низко опустил голову. Теперь был виден только его большой выпуклый лоб; сильно подергивавшиеся мускулы лица выдавали глубокое внутреннее волнение молодого учителя.

Юрий Муратов при первых же словах печального известия казался всецело охваченным им. Безмолвно, не роняя ни звука, он слушал рассказ Сазонова. Большие карие глаза разгорелись; порой он переводил взгляд на Китти, и тогда его взгляд светился еще ярче.

Растроганный, затих и сам рассказчик. Наступила минута глубокого взволнованного молчания.

– Бог милостив! – первым нарушил его хозяин. – Не так это страшно. Пусть полчища Наполеона вдвое, втрое превосходят наши, но у них нет того святого великого двигателя, что есть в душе у нас, что удесятерит и наши телесные силы. Что общего у Наполеона с его пестрой сбродной шайкой? Что, кроме корысти, жажды славы и наживы, движет на нас эту темную тучу? Что окрыляет их души? Что светит им изнутри? Нет, не перебить им своими штыками и ядрами того могучего, святого чувства, которое вспыхнет в каждой русской груди, зажжет каждое русское сердце, – даже ценой жизни отстоять малейшую пядь родной земли, орошенную кровью наших предков; кровь эта с полной мощью заговорит и в нас, поднимет каждого русского на защиту своей святой веры, дорогой родины и светлого царя!

Высоким одушевлением звучал голос боевого генерала. Глядя на него, верилось, что если в каждом русском так же сильно вспыхнет патриотическое чувство, то России не страшны никакие вражеские вторжения.

Женя, с лицом, орошенным восторженными слезами, давно уже жалась к отцу. Еще в середине его речи, перекочевав с противоположного конца стола, она примостилась у его плеча. Юрий, сидевший рядом с Трояновым, под влиянием глубокого внутреннего чувства при последних словах генерала безмолвно прижался губами к его руке.

Никто не произносил ни звука: казалось, нечего было добавить к услышанному. Мало раздалось слов, зато как много, как глубоко было пережито этим небольшим кружком людей, из поколения в поколение воспитанных в любви к царю и родине, выросших на рассказах о доблестном прошлом своих предков и гордящихся им.

– Что же, уже были крупные схватки? – несколько успокоившись, осведомился Троянов.

– Пока никаких известий, кроме того что неприятель перешел границу. Скоро услышим. Бог милостив, он будет на стороне правого дела, – отвечал гость.

Во все остальное время ужина разговоры велись на ту же тему – о разразившейся войне. Молодежь, недавно шумная и оживленная, теперь затихла, прислушиваясь к общемуговору.

Постепенно гости начали собираться домой; закладывали экипажи. Первым распростился Сазонов; за ним поднялись Лида с братишкой и гувернанткой; потом заговорили об отъезде Муратовы.

После ухода генерала Женя пришла в крайнее возбуждение. С вновь засверкавшими глазами, полная ожидания чего-то радостного и необычайного, она вся так и насторожилась.

«Вот сейчас проводят гостей, тогда Юрий подойдет к папá и мамá и будет просить руки Китти. Господи! Как хорошо!» – думала она.

Наполеон, французы, союзные войска, все, быть может, грозящие России бедствия – всё в эту минуту забыла девочка. Весело и трепетно билось ее сердечко от предвкушения той громадной радости, которая вот сейчас, сию минуту, впорхнет к ним в дом.

«Как будут довольны папá и мамá! Они так любят Юрия, вообще всех Муратовых, так давно хотят и ждут этого счастливого дня!» – дальше несется мысль Жени.

Но что это? Нелли прощается с Китти, мадемуазель Ласи раскланивается, а Юрий... Юрий тоже прощается... Как же так? Ведь не мог же он забыть? Конечно, нет! Господи, неужели сегодня совсем не скажут? Неужели они, он и Китти, могут терпеть, держать в себе такую громадную радость?

Девочка растерянно глядит то на сестру, то на Муратова.

Вот они прощаются. Он крепко-крепко жмет ее руку, глубоко заглядывает ей в глаза. Ни слова, ни звука.

Женя недоумевает.

Но сами молодые люди, видимо, прекрасно поняли друг друга. Светлая улыбка разливается по лицу Китти. Еще одно рукопожатие – и все. Ушел!

Время позднее. Пожелав друг другу спокойной ночи, все расходятся по своим комнатам.

– Китти, что же это? Почему вы ничего не сказали? – едва оставшись наедине с сестрой, разочарованная и недоумевающая, допрашивает ее Женя.

– Полно, Жучок, разве можно в такой день, в такую грустную минуту говорить о личном счастье? Что значат радости, горести, даже самая жизнь одного человека, в то время, когда плачет вся Россия? – тепло и просто ответила Китти.

Девочка широко открытыми глазами смотрела на говорившую.

– Боже, Боже, какая же ты хорошая! Какие и ты, и Юрий оба славные! А я бы не могла, я бы ни за что не смогла вытерпеть. Китти милая, золотко мое ненаглядное, какая же ты чудная, такая, такая...

Не договорив, девочка в восторженном порыве обвила тоненькими ручками стройную фигуру сестры и припала головой к ее плечу. Молча продолжали они стоять в той же позе перед широко распахнутым в сад окном.

Ласковая серебряная ночь вливалась в комнату, ясная и безмятежная. Она не сознавала, не чувствовала той темной грозовой тучи, что нависла над Русью. Благоухающая, чарующая и сама будто зачарованная, она манила, завладевала душой.

Своей особой жизнью жил в эту минуту притихший, размечтавшийся старый сад, жил и трепетал каждой веткой, каждым листочком. Сладко спали лишь утомившиеся за день птицы: веселые и шумные, они равнодушны к безмолвной, таинственной прелести ночи. Они дремлют, набираются сил, чтобы, вострепнувшись при первых лучах пробуждающегося утра, встретить восторженным гимном золотые стрелы солнца. Спят певуны, а темные деревья, спокойные, что никто их не подслушает, тихим говорком беседуют между собой.

Мечтательные молодые березки, радостно трепеща своими нежными листочками, слушают дивные речи, что нашептывают им стройные красавцы-каштаны, и восторженно любят их многопалыми изумрудными листьями. Великаны дубы и старушки липы смот-

рят на молодежь, тоже перешептываясь между собой, вспоминая радости и печали далекой, невозвратной юности.

А в густой листве притаились дивные грезы. То легкие и резвые, перепархивают они с места на место, то мчатся радостными вереницами, обгоняя друг друга, то нежатся в сени зеленых великанов, чуть шелестя своими воздушными крылышками, то обступают радостной гурьбой владычицу этой волшебной ночи, любимую дочь и верную спутницу седого Месяца, светлокрылую Мечту. И она, легкая, лучезарная, властно влечет за собой, зовет прочь от печальной земли в лучистую, сияющую, безоблачную высь.

Бессильная бороться с чарами красавицы-ночи, стояла Китти. Личное эгоистическое чувство, придавленное всем пережитым за этот вечер, поднималось со дна души.

Светлые грезы, радостные, возможные, совсем-совсем близкие, подхватили и понесли ее; и мерещится ей, что из-за светлой фигуры Мечты выплывает еще более яркий облик – безмятежного, лучезарного Счастья. Убаюканная тихим шелестом ночи, девушка наяву видит чудный сон. Долго, быть может, еще безотчетно и неподвижно простояла бы она, вся там, в близком, светлом будущем, если бы не Женя, вернувшая ее к действительности.

– Господи, какое у тебя блаженное лицо, Китти! Ты счастлива, да? Скажи, правда? Ведь очень-очень счастлива? А я как рада, как страшно счастлива я, что ты счастлива...

На слова Жени девушка ответила безмолвным поцелуем.

Глава 2

Под кровлей уютного дома в Благодатном каждый чувствовал себя необыкновенно легко и привольно. Простотой и радушием веяло от всякого его уголка: от мягких диванов, казалось, созданных для душевных дружеских бесед, от гостеприимно манящих в свои объятия глубоких кресел, от любопытно заглядывавших в высокие окна и приветливо кивавших ветвей деревьев, от молодых и старых, красивых и некрасивых, но радушно смотрящих со стен фамильных портретов. Казалось, в этих высоких, светлых стенах жизнь должна катиться тепло и любовно, что горести, тяжелые утраты и печали не смогли найти подходящего уголка и свить здесь свое мрачное гнездо.

В сущности, так оно и было.

Сам владелец Благодатного, Владимир Михайлович Троянов, был бодрым и жизнерадостным человеком, доступным для всякого по своему обращению. Солдат, безгранично преданный родине, он еще молодым офицером стал известен своими воинскими подвигами и назначался на ответственные должности. С воцарением императора Александра Павловича, которого Троянов знал еще ребенком и положительно боготворил, положение его было таким же прочным.

Невзирая на это, и генерал, и жена его держали себя чрезвычайно просто, без малейшей тени чопорности или гордости. Та же простота обращения царила и в домашней обстановке, в отношении к детям, челяди, служащим и крестьянам.

В те грустные времена крепостного права, когда все маленькое, обездоленное и зависимое трепетало перед всесильным помещиком, в имении Трояновых не было запуганных и забитых лиц, ежеминутно дрожащих перед гневом, прихотью или просто дурным расположением духа самодура-барина. Здесь с дворовыми обращались ласково, каждый мог найти совет, сочувствие и помощь у своих господ. На некоторых старых и заслуженных людей, как, например, няню Василису, вынянчившую самую генеральшу, дворецкого Данилыча и камердинера генерала, Алексея, его сверстника и товарища прежних детских проказ, смотрели как на членов семьи.

И прислуга служила господам не за страх, а за совесть, живя их интересами, скорбя их горестями, готовая каждую минуту без размышления кинуться ради них на самое опасное, самоотверженное дело. Словом, любили их той глубокой, безграничной привязанностью, на которую способно было детски-отзывчивое, незлобивое сердце крепостного крестьянина, умевшего, как святыней, дорожить каждой крупинкой добра и ласки, так редко выпадавших на его многострадальную долю.

Отношения родителей и детей были просты, искренни и душевны. Дети не робели, не вытягивались в струнку перед родителями, не чувствовали себя связанными или растерянными в их присутствии. Утренние и вечерние приветствия не ограничивались официальным целованием протянутой руки и неизменным вопросом отца и матери, непременно на французском или английском языках, обращенных не столько к ребенку, сколько к стоявшей в принужденной позе за его спиной гувернантке:

— Здорова? Не шалила? Мисс не была недовольна тобой?

Как часто приходилось видеть это в дворянских домах того времени, когда, набрав целый штат кем-либо рекомендованных иностранцев и иностранок, им сдавали на руки почти малюток, предоставляя этим, может быть, и не дурным, но все же посторонним людям переделывать по своему усмотрению и манеры ребенка, и саму его душу.

Не то было у Трояновых. Правда, отчасти следуя моде того времени, главным же образом, осознавая необходимость образования, знания языков, умения хорошо держать себя и с внешней стороны, Трояновы тоже брали детям гувернанток и учителей, но их обязанно-

сти состояли лишь в передаче своим питомцам необходимых знаний и прививке хороших манер. Душа же ребенка, впечатления, весь его внутренний мир составляли драгоценную, неотъемлемую собственность родителей.

С лаской, терпением и чуткостью они заглядывали в маленькое сердечко, умели все понять, почувствовать за своего малыша, утешить его детские горести, прельстив чем-нибудь светлым, заманчивым.

– Мы должны быть их самыми близкими, снисходительными, терпеливыми друзьями, – всегда говаривала Анна Николаевна. – Кто, кроме нас, родителей, может больше любить, желать добра, понимать, а потому и прощать слабости этих крошек? Ведь это же кусочки нас самих, маленькие «мы», с частичками нашей души, наших же недостатков.

И действительно, дети Трояновых с малых лет чувствовали своим детским сердцем, в ком состоит их надежная опора, источник их благополучия. С открытой душой бросались они каждое утро на шею отцу и матери. Может быть, слишком порывисто, слишком шумно и недостаточно почтительно обращались они с родителями, всячески тормозя их. Некоторые чопорные мамы осуждали Трояновых за такое «свободное воспитание», но результатом его было то, что малым и большим легко и привольно жилось и дышалось в этой семье.

При наличии в доме посторонних, однако, соблюдались установленные правила этикета: дети чинно сидели за столом, не позволяя себе вмешиваться в общий разговор, выражать свое мнение, и отвечали лишь на задаваемые им старшими вопросы. Но когда за обедом оставались только «свои», нередко раздавались веселые, молодые голоса, то смеющиеся, то спорящие о чем-нибудь. Впрочем, теперь, за исключением семилетнего черноглазого и краснощекого Бори, все члены семьи Трояновых из детского возраста перешли уже в юный.

Старшей дочери, Китти, исполнилось недавно девятнадцать лет. Такая же белокурая, синеглазая, стройная и красивая, как мать, она и характером сильно напоминала ее. Спокойная, выдержанная, вдумчивая, очень добрая, она выросла, не доставив матери забот и огорчений ни капризами, ни какими-либо взбалмошными выходками; она с детства даже никогда не хворала.

– Окропил Христос душу чистую росой иорданской, – радостно и благоговейно проговорила няня Василиса, когда шестого января родилась Китти.

– В Крещение Господне, в праздник Богоявленский на свет появилась, всей Святой Троицей благословенная. Великое это счастье, великая это милость, коль Господь кому в такой день на свет явиться приведет; вся жизнь ему радостью будет, – пророчила старушка.

– А что, матушка Анна Николаевна, растет – дай ей Бог в добрый час – Богоявленочка наша? Как цветок под росой! Недаром сказывала я тебе, – любовно оглядывая подраставшую девочку, самодовольно говаривала няня.

Пророческие ее слова как будто действительно сбывались.

Нельзя сказать, чтобы много возни причинил родителям и черноволосый, черноглазый, всегда веселый, добродушный, хотя и вспыльчивый, Сережа. Этот имел громадное сходство с отцом: тот же открытый бесхитростный характер, жизнерадостный, пылкий, легко поддающийся всякому впечатлению.

Что касается Жени, то она не была похожа ни на отца, ни на мать. Впрочем, было бы даже странно, будь оно иначе. Хотя она называла Трояновых папа и мама, хотя безгранично, с восторженной, свойственной ее характеру, чисто дочерней нежностью любила их и те платили ей истинно родительской любовью, никогда, даже в пустяке, не делая различия между нею и остальными детьми, но, в сущности, она была им не только не дочь, но даже и не родственница.

Лет за двенадцать до того, как начинается наш рассказ, у одной дальней родственницы Анны Николаевны умер ребенок. Троянова поспешила навестить бедную мать, кото-

рую постигла такая тяжелая утрата, как скоропостижная смерть единственного в семье четырехлетнего мальчика.

Несчастливая женщина, прижимая к глазам носовой платок, подробно описала ход болезни ребенка, а потом неожиданно добавила:

– Я уверена, что это она принесла нам несчастье, эта француженка...

Когда Анна Николаевна подняла на нее удивленные глаза, та принялась сбивчиво говорить, всхлипывая и обильно пересыпая свою речь французскими словами:

– Я недавно взяла к детям гувернантку, ее очень рекомендовал князь Василий. Он нашел ее где-то там, за границей... Он рассказывал мне столько трогательного о ее романтической судьбе. Муж ее, военный, стал таким горячим приверженцем Наполеона, этого проходимца, что проделал с ним массу каких-то походов, не скажу вам точно, где именно. И вот уже больше года о нем ни слуху ни духу. Положение ее ужасное, средств никаких, на руках ребенок. Тогда она решилась поехать в Россию гувернанткой. Мне стало жаль ее – вы знаете мое доброе сердце, – ну, я и приютила ее с ребенком... Скажу вам откровенно, ее дочь – настоящий дьяволенок, прости Господи! Она мне сразу не понравилась... Есть у девочки в глазах что-то такое, от чего оторопь берет... Что-то такое зловещее... Но я все же уступила своему доброму побуждению и вот теперь расплачиваюсь! Не успела эта особа поступить на службу, как мой бедный ангел, мой ненаглядный сынок... – она захлебнулась слезами и не закончила. – Вы знаете, они такие неблагодарные, эти наемницы, – снова овладев даром речи, закончила дама.

Началась панихида. В числе прочих присутствующих глаза Анны Николаевны различили стоящую у дверей столовой худенькую молодую особу с каштановыми вьющимися волосами и громадными темными глазами, выражение которых глубоко поразило Троянову. Женщина то с грустью смотрела в лицо усопшего мальчика, то с каким-то ужасом переводила их на каштаново-золотистую головку крошечной девочки, жавшейся к ее платью. Столько чувства, думы, скорби было в этих грустных глазах, что в добром сердце Трояновой дрогнуло что-то.

Ребенок заплакал, и женщина, взяв его на руки, поспешила выйти.

– Вы видели ее? Эту ужасную женщину? – осведомилась хозяйка. – У нее в самом деле вид злой ведьмы. А до чего беззащитна! – негодуя продолжала она. – Я, конечно, сейчас же велела ей оставить наш дом, так – представляете? – она мне заявила, что ей некуда идти. Как вам это нравится? Сегодня же скажу князю Василию, чтобы он избавил меня de ce trésor⁴.

– Не беспокойте вашего друга. Француженку возьму я, мне как раз нужна гувернантка.

– Comment? После того, что я вам сказала? – удивилась хозяйка. – Vous n'êtes donc pas superstitieuse!⁵

– О, нисколько! – кивнула Анна Николаевна.

– Вы не боитесь, что она сглазит ваших милых деток?

– Бог даст, бедная не сглазит их, – спокойно проговорила Троянова.

В тот же день состоялось переселение француженки на новое место.

Всем своим изболевшимся одиноким сердцем несчастная женщина горячо отозвалась на ласку, встреченную ею у Трояновых. Она отдыхала душой у этой тихой пристани, куда прибила ее жизненная волна. Но глаза ее оставались всё так же печальны; обведенные широкими темными кругами, они резко выделялись на прозрачном, синевато-бледном лице.

– Буркалы⁶ свои как вытаращит, ажно жуть берет! – болтали в девичьей суеверные горничные.

⁴ От этого сокровища (франц.).

⁵ Как? Вы совсем не суеверны! (франц.)

⁶ Буркалы – глаза (простореч.)

– Недаром сказывают, что у Столетовой она глазищами своими ребеночка насмерть сглазила, – судачила вертлявая Анисья.

– Ох, грехи, грехи! И как только господа наши в дом ее пустили? Не приведи Господь, лиха бы какого не стряслось! – неодобрительно покачивала головой ключница Анфиса.

А глаза француженки становились все больше, круги, окаймлявшие их, темнее. С ней начали делаться частые обмороки. Вызванный доктор нашел, что сердце очень слабо, прописал лекарства. Но, несмотря на порошки, здоровье больной не улучшалось, и однажды утром ее застали в постели неподвижной – сердце отказалось работать.

– Вишь ты, это, знать, сама смерть через ее глаза смотрела, – решили в девичьей.

На руках Трояновых осталось крошечное двухлетнее существо, беспомощное, бездомное и одинокое, прихотью судьбы заброшенное из родной Франции в далекую Россию.

Когда бедная крошка, горько плачущая, не дозвавшись своей мамы, доверчиво протянула ручонки Анне Николаевне и, охватив ее шею, положила головку на ее плечо, в дальнейшей участи ребенка уже не было сомнения: Троянова знала, что никогда и никуда не отдаст ее. Девочка осталась.

Не много искренней любви выпало в первое время на долю маленькой Женевиевы. Несмотря на свою прелестную внешность, на сиротство и беспомощность – все то, что обычно завоевывает сердце, девочка не располагала к себе: уж очень она была капризна и упряма; ее плач и прямо-таки иступленный крик чуть не целый день оглашали дом.

– Ишь, отродье басурманское во всем сказывается! – злобно говорила горничная Анисья, недолюбливавшая и даже побаивавшаяся покойную француженку.

Да и вся вообще прислуга с предубеждением относилась к ребенку.

– Зелье, не девочка! Накличет уж она криком своим беды на дом. Хошь бы в имение куда пока отдали, а там помаленьку девку к делу бы какому приучили, а то, поди ж ты, на барском положении содержат, – ворчала Анфиса.

Быть может, много горьких минут, обид и даже пинков пришлось бы испытать бедной басурманке, если бы она нашла приют не у такой цельной натуры, какой была Троянова, не умевшая и не хотевшая ничего делать наполовину. Однажды решив оставить ребенка, она считала себя обязанной делать для него столько же, сколько и для родных детей. Кровать девочки в первую же ночь была перенесена в комнату, где спали тогда пятилетний Сережа и семилетняя Китти, и доверена непосредственному наблюдению верной Василисы.

Нельзя сказать, чтобы Троянова полюбила с самого начала этого капризного и своеправного ребенка. Она заставляла себя ласкать его, успокаивала вырывающуюся, бьющую ножонками и ручонками девочку и искренне всем своим добрым сердцем жалела ее.

Но скоро горячая привязанность к ней девочки, ее радостно тянущиеся при появлении Анны Николаевны крошечные ручки, слезы, как росинки, останавливающиеся в золотистых глазах малютки, веселая улыбка и милые ямочки на прелестном личике – все это подкупило женщину. Потом, по мере пробуждения в ребенке сознания, на каждом шагу обнаруживалось золотое сердце, чуткость и доброта его; все крепче и крепче, властней и горячее привязывали они к сиротке добрую женщину.

Глубоко умиляло Троянову доверчивое «мама», слетавшее с уст одинокой малютки. Не задумываясь, детским чутьем своим давая этой чужой, но голубящей и холящей ее женщине имя матери, девочка старалась заполнить ту страшную темную брешь, которую безжалостным ударом произвела смерть в ее юной жизни.

Василиса, хорошо вымуштрованная, искренне преданная господам женщина, добросовестно смотрела за своей новой питомицей, но сердце ее долго, с каким-то суеверным упорством оставалось плотно запертым для «басурманки». Тщетно, хотя еще бессознательно, стучалась туда маленькая ручка. Женщина подавляла в себе добрые чувства, просыпающиеся в ней от ласки этого ребенка, от доверчиво обвивающихся вокруг ее шеи рук.

Однажды стряслось у Василисы крупное горе: умер ее тринадцатилетний сынишка Миша. Как раз в это самое утро, незадолго до того, как узнали грустную весть, на Женю напал один из приступов ее капризов: она топала на няньку ножонками и даже побарабанила кулачками по ее спине. Спустя некоторое время, войдя в комнату и увидев женщину горько плачущей, девочка подумала, что ее поведение и есть причина горя няни. Обливаясь горючими слезами, Женя кинулась к Василисе:

– Нянечка! Милая!.. Прости!.. Прости!.. Никогда... Не буду!.. Не буду больше...

Девочка стояла на коленях перед женщиной, обнимала ее колени, хватала ее красные жилистые руки, покрывая их несчетными горячими поцелуями.

– Миленькая, миленькая, прости!.. Никогда больше!..

– Полно, полно, матушка. Что ты! Христос с тобой! Негоже тебе, барышне, мне, холопке, руки целовать, – совсем растроганная, но все еще сохраняя суровость в голосе, вырывая руки, протестовала женщина.

Но Женя вскарабкалась на ее колени, обвивала ее шею ручонками, целовала мокрые глаза, прижималась своим орошенным слезами личиком к заплаканным щекам няни.

Что-то теплое, горькое и вместе отрадное подступило к сердцу женщины, и первый раз она горячо, любовно прижала к своей груди это маленькое, до тех пор упорно нелюбимое существо. С этой минуты прежде неприступная крепость была прочно завоевана.

Одно обстоятельство послужило к еще большему сближению Жени с няней. Василиса была очень набожной. Маленькая полутемная комнатка, где помещались ее вещи, была увешана иконами, перед которыми постоянно горели лампадки. Таинственно, словно из какой-то бездонной глубины, вырисовывались во мраке угла темные лики с дрожащим на них трепетным светом огоньков. Они и пугали, и неотразимо влекли к себе впечатлительную девочку.

– Это огоньки у Боженьки, чтобы Ему лучше видно было? Да, нянечка?

– Да, девонька.

– И Он все-все видит?

– Видит.

– И слышит?

– И слышит.

– И сердится, если плохое что-нибудь делаешь?

– Сердится и огорчается, девонька, ах, как огорчается, что люди такие злые.

– Огорчается?.. И плачет Боженька?

– И плачет, если очень огорчится.

– А что тогда надо делать?

– Молиться, просить Боженьку, чтобы простил. Хорошенько молиться.

– И Он простит?

– Простит, коли хорошо покаяться и попросить, а коли нет, то накажет.

Глубоко врезался в память ребенка этот разговор. С тех пор, лишь только вспыхивая, не умеющая сдерживать себя, она наговорит и натворит, бывало, сгоряча что-нибудь лишнее, почти тотчас же проснется доброе, честное сердечко: девочка искренне, слезно кается в своем проступке там, в нянином уголке, перед темными ликами, озаренными трепетными огненными язычками.

Это, с самых крошечных лет зароненное в душу ребенка чувство навсегда прочно осталось в нем. Подрастая, Женя с тем же искренним порывом и влажными глазами простаивала подолгу перед образом, каясь в своих прегрешениях, в нанесенных ею обидах.

Не одна няня, религиозна была вся семья Трояновых. Свято соблюдались там посты, аккуратно посещались церковные богослужения. Маленькая француженка с благоговением ходила в православный храм, страстно любила все службы и обряды, с трепетным сердцем,

переполненным высоким горячим чувством, шла на исповедь к русскому священнику, беспощадно бичуя себя, со всей искренностью изливала ему свои детские прегрешения.

Кроме глубокой набожности, Женя подкупала еще всех своей щедростью и необычной добротой. Все-все она была готова отдать другим. Стоило кому-либо из прислуги или дворовых ребятишек заглядеться на ее игрушку, пирожное, пряник или конфету, как, не колеблясь ни секунды, малютка уже протягивала ручонку:

– Ты хочешь? У тебя нет? Совсем нет? Ну так на, кушай.

Лакомство переходило к новому владельцу, и, глядя на то, как поспешно оно исчезало, девочка только осведомлялась:

– А что, вкусно? Сладко?

Деревенские ребятишки, а за ними их отцы, матери и сестры начинали не только привывать, но и любить щедрую и ласковую маленькую «басурманку». Впрочем, само это прозвище постепенно вышло из употребления, и в глазах окружающих Женя стала такой же барышней, какой была Китти.

В сущности, Женя знала о своем происхождении, знала, что она не дочь Трояновых, что родная мать ее была француженкой. Как далекий, смутный сон бледной тенью вставал в ее памяти образ матери. Но он был такой далекий, тусклый и бесцветный, ничто не связывало с ним ее сердца: слишком юно было оно в то время, когда смерть порвала между сердцем ребенка и матери те духовные нити, которых не успела еще прочно закрепить жизнь.

Вспоминала ли ее Женя когда-нибудь? Скорее всего – нет. Вся сознательная жизнь девочки началась здесь, в этой семье, где ей все бесконечно дорого, где ко всем ее горячее сердечко переполнено искренней любовью. Где-то далеко-далеко, в самом темном, затерянном уголке мыслей запрянуто то, что ей известно о своем происхождении, но никогда не представляется ни малейшей надобности, ни малейшего повода вспоминать о нем.

Вот они все тут, ее близкие, родные: папа, мама, Китти, Сережа. Лучше ее мамочки нет матери в мире, в этом девочка твердо уверена. А папа! Ведь это ж такая прелесть! И какой герой! Перед Китти Женя благоговеет. Кроткая, спокойная, выдержанная девушка, такая хорошенькая, такая «святая», она имеет благотворное влияние на порывистую, впечатлительную, горячую Женю. Но, несомненно, больше всех в семье она любит Сережу.

Подвижный, ловкий, остроумный, всегда искрящийся жизнью и весельем – это ее герой, ее идеал, ее самый дорогой товарищ и единомышленник. Пусть у нее как в раннем детстве, так и теперь происходят с ним непрерывные ссоры и даже «схватки боевые» – пусть! Пусть изо всех только он один невыносимо ее дразнит, в ответ на что ее кулачки изо всей силы барабанят по его спине и плечам, а тонкие цепкие пальчики беспощадно впиваются в курчавую черную голову – пусть! Все это такие пустяки! Зато никто, кроме Сережи, не умеет выдумать таких интересных игр, так неподражаемо хорошо изобразить каждого, затеять тут же, под самым носом у «миски», что-нибудь необычайное. Пусть в результате возни порой появляются синяки и шишки – неважно! Зато как весело!

И, главное, никто так хорошо, как Сережа, не понимает и, право же, никто, никто не любит ее так, как он. Дразнит, мучает иногда до слез, а любит крепко. Нет, положительно лучше ее милого, славного Сережи нет и, кажется, не может никого быть на свете!

Глава 3

Прошло два дня с того памятного вечера, когда старик Сазонов привез печальную новость. Никакие дальнейшие слухи и вести о происходящем на полях сражений еще не успели проникнуть в Благодатное, однако, невзирая на это, у обитателей его появились новые заботы. И в девичьей, и в господских комнатах шли усиленная кройка и шитье: наскоро заготавливали белье, щипали корпию⁷ для раненых. Хотя вести о них, имена и число жертв еще не стали известными, но, к сожалению, сомнений быть не могло: там, где встретились неприятели, уже полилась живая человеческая кровь.

Владимир Петрович писал длинные срочные письма, которые с нарочными⁸ отправлялись в Москву и Петербург. С нетерпением ожидали возвращения посланий. В остальном жизнь текла своей обычной чередой.

В непарадном, так сказать, служебном уголке сада, прилегающем к домашним постройкам и нарочно к тому приновренному, варка варенья в полном разгаре. Два громадных таза бурлят и клокочут на жаровнях. Светло-розовая пена колыхается на их поверхности, распространяя соблазнительный сладкий аромат.

Около жаровен хлопочет ключница Анфиса, мастерица и большая искусница в этом деле. Быстрая, ловкая, черноглазая Матреша помогает ей, подхватывая с огня и слегла потряхивая то один, то другой таз в ту самую минуту, когда он принимается кипеть слишком бурливо, угрожая красоте и целостности ягод.

Мухи и пчелы, почуяв лакомый запах, стаями роятся над сладкой влагой и миской, в которую снимается аппетитная накипь. Они, вероятно, плотной массой облепили бы соблазнительную снедь, если бы на страже не стояла Женья, вооруженная длинной липовой веткой.

Девочка уже с час вертится тут, принимая деятельное участие в происходящем. Слитое в громадные миски, готовое, еще горячее варенье и розовая пенка многократно испробованы и одобрены ею. В настоящую минуту вся ее заботливость сосредоточена на бурлящих тазах.

– А что, Анфисушка, неужели еще не готово? – осведомляется девочка.

– И где там готово, барышня! Пены-то вон сколько наверху собралось! А как оно, значит, доходить уже начнет, чистенькое станет, прозрачное.

– Так почему же оно пахнет, точно готовое? – сомневается Женья. – Ну-ка, дай я еще разок все-таки попробую, вдруг переваришь.

Анфиса, улыбаясь, подает ей полную ложку.

– Ой, как горячо! – слегка ожегшись, говорит девочка. – А вкусно! Прелесть! Право, Анфисушка, готово... А что, Матреша, как, по-твоему, вкусно? – сует Женья девушке оставшуюся половину. – Да постой, тут так мало, что ты ничего не разберешь. Вот теперь попробуй, – зачерпнув из таза полную ложку, снова протягивает она той.

– Скусно! – хоть и опалив язык, но с наслаждением облизываясь, подтверждает Матреша.

– Видишь, Анфиса, – ссылаясь на этот неоспоримый авторитет, снова настаивает Женья. – С чего бы ему такому вкусному быть, если бы оно не готово было?

– А с чего ж ему и неготовому скусным-то не быть? – возражает женщина. – Ягоды да сахар, их, небось, и сыреем ешь, и то скусно.

– Вот погоди, мы сейчас сравним, – не сдается Женья. – Отсюда ложку возьму и оттуда, – указывает она на уже слитое в миску варенье. – Тогда и посмотрим, такое ли оно самое.

⁷ Корпия – перевязочный материал, состоящий из нитей расщипанной ветоши.

⁸ Нарочный – курьер.

Точно и добросовестно определить сразу невозможно, приходится повторить пробу несколько раз. К расследованию снова привлекается Матреша.

– Правда твоя, Анфисушка, не совсем еще готово. То, первое, повкуснее будет. Как ты думаешь, Матреша?

– Это, будто, малость покислее, – указывает девушка на таз. – Ан все же скусно.

– Pokислей!.. Скусно!.. – передразнивает неодобрительно Анфиса. – Подумаешь, знатокша какая! Балует ее барышня, а она и впрямь воображает о себе. Эх, барышня, испортите вы мне Матрешку, вон как Малашку свою испортили. Жалится мать-то ейная, что совсем девчонка от рук отбилась. Вы ей и ленточки, и бусы, и галстучки, и платица со своего плеча. Ходит, расфуфырившись, будто и впрямь барышня какая; до нее и не подступись, так те и фыркнет, только слово скажи. Вконец девку избаловали, куда ее такую девать-то потом! – проговорила ключница не без затаенного оттенка зависти к приставленной для услуг барышень Малаше, действительно избалованной, но, со своей стороны, безгранично преданной и обожавшей их.

– Не ворчи, не ворчи, Анфисушка! Никуда ее «девать» не придется, так при нас она век жить будет. Мы Малашу страшно любим, и я, и Китти, уж такая она хорошая. И умница: смотри, как скоро я ее читать выучила, прямо удивительно!

В это время внимание Жени было отвлечено появлением Бори с его вечным спутником Степкой, внуком дворецкого.

Видно, не одних мух и пчел привлекал соблазнительный сладкий запах, распространившийся от жаровни. Между зеленью кустов, окружавших площадку, где происходило это притягательное событие, мелькали любопытные, по большей части отчаянно белокурые, растрепанные головы и замурзанные лица дворовых ребятишек – все свита Бори и его правой руки, Степки. С любопытством взидала детвора на происходящее, бросая красноречивые умиленные взгляды на соблазнительные, неотразимо пахнущие тазы.

– Анфисушка, пеночек! Пожалуйста, пеночек! – Боря сразу приступил прямо к цели, приведшей его сюда.

– Анфисе некогда, поди я тебе дам, – вызвалась Женя.

– И Степке тоже, – заявил мальчуган.

– Еще бы ты один лакомиться стал! Только этого недоставало! Конечно, обоим дам.

Девочка наложила варенья в большое блюдечко.

– Натe, получайте.

А потом обратилась к трепаным головенкам:

– А вы чего рты разинули? Небось, тоже пенок хотите? Да чего там с ноги на ногу переминаться. Выходи, команда, ну-у... Будет пир на весь мир.

Схватив миску с пенками и ложку, девочка направилась к детям.

Как тараканы из щелей, в одну секунду вынырнула из кустов мелюзга, счастливая, но все еще смущенно переминающаяся с ноги на ногу. Барышни-то они, конечно, не боялись, не впервой приходилось с ней дело иметь, но косые взгляды Анфисы сдерживали проявление радости.

– Ну, Васюк, ты старший, получай ложку, каждому по очереди давай. Только – чур! Без обмана, всем ровно, никого чтоб не обидеть. Понял? А вы, детвора, этак вот рядышком станьте. Так, хорошо! – одобряла Женя. – Ну, теперь начинай!

– Чево это вы, барышня, выдумали, такую уйму пенки да на этих головорезов скормить?! Я прибиралась было на ужин из нее духовой пирог сготовить, ан ее как и не бывало, – сокрушенно укоряет Женю ключница.

Она не столько жалеет о невозможности испечь воздушный пирог, о котором даже не помышляла до той минуты, сколько огорчена исчезновением так любимой ею самой пенки, с которой вечером в своей каморке умудрялась осушать по шесть-восемь чашек чаю.

– Бог с ним, с воздушным пирогом, Анфиса! Из другого чего-нибудь сделаешь, а нет, и не надо. Постоянно едим его, а этим карапузам в кои-то веки раз полакомиться приходится. Где ж им дома-то взять? Ведь только что мы дадим, тем и побалуются, бедняги... А ты что это, Васюк? А?.. Это так ты поровну делишь? Я тебе, как старшему, доверила, думала, ты честный, а ты вот какой! Не хочу тебя и видеть, гадкий мальчишка, убирайся!

Женя, вся красная от негодования, основательно дернула Васюка за ухо и пинком в спину вытолкала его из группы детей.

– Нечего реветь, не пожалею. Видишь: Манька плачет, и Груша ревет, и Петя, и Андрюша, и все из-за тебя, – ты их обидел. Фу, стыдно! Малышей, крошек таких, не пожалел. Ну, и я тебя не жалею. Убирайся, убирайся, убирайся! – горячилась девочка. – А ты не плачь, и ты не хнычь, – обратилась Женя к обделенным малышам.

По несколько раз в очередь тщетно подставляли они открытые рты под ложку недобросовестного распорядителя; наконец, после третьего обманутого ожидания, когда предвкушаемая ложка, как и две предыдущие очередные, снова была поглощена Васюком, обида показалась такой острой, что малышка Груша не стерпела и заревела благим матом; ей вторило несколько голосов.

– Теперь я сама буду вас кормить! – заявила Женя. – Ну, открывайте рты!

Слезы еще катились по загорелым лицам, а открытые, как у голодных галчат рты, получив желанное, с наслаждением смаковали его.

– Вот и кончен бал! – к великому огорчению маленькой публики, проговорила девочка. – Впрочем, постойте, – озаренная новой мыслью, добавила она. – Мы Васюка накажем за то, что он вас обсчитал. Я дам вам того, чего он не пробовал и не увидит, как ушей своих, – настоящего варенья.

Все еще возмущенная «подлостью» Васюка, «обманувшего» ее, чего правдивая девочка прощать не умела, Женя, прежде чем Анфиса успела опомниться, наложила в опустевшую после пенок миску варенья и принялась в том же строгом порядке рассовывать его по жадно чмокающим ртам.

– Помилосердствуйте, барышня! – схватила за голову Анфиса. – Такую прорву варенья на этих паршивцев извести! Брысь отсюда, негодники! – отвела она душу на сразу оробевших ребятишках.

– Да не сердись ты, право, Анфиса! Чего ты скупись?! Варенья этого у нас во сколько, а не хватит, так и не хватит, ну его! На что оно, если даже покормить никого нельзя...

Не договорив слова, Женя словно замерла, внимательно прислушиваясь к чему-то.

– Подъехали... Ну да!

Сунув миску с остатками варенья ближайшему от нее ребенку, она стрелой помчалась к дому.

Женя, прежде чем Анфиса успела опомниться, принялась рассовывать варенье по жадно чмокающим ртам.

Чуткий слух не обманул Женю – от крыльца отъехала коляска, привезшая Юрия Муратова.

Без всяких церемонных докладов, как близкий знакомый, молодой человек, пройдя цветник и веранду, очутился в примыкавшей к ней маленькой гостиной.

Там, за небольшим столиком, заваленным лоскутьями и кусками полотна, сидела Китти, усердно щипавшая корпию. При звуке милых шагов все лицо девушки осветилось радостью, счастливая улыбка полу открыла ее губы. Поспешно поднявшись, она, с протянутыми руками, пошла навстречу жениху. Тот взял их и по очереди нежно поднес к своим губам.

– Голубка, радость моя! – тепло проговорил он. – Я так рвался вчера, да не смог всего наладить. Сегодня я приехал сказать обо всем твоим отцу и матери; но раньше я хотел бы поделиться с одной тобой моими мыслями, ощущениями и... решением, – он на минуту

как бы запнулся. – Я знаю, что моя Китти почувствует и поймет все именно так, как я сам. Она такая чуткая, душой такая близкая моей душе. Сядем тут в уголочек, пока никого нет, и потолкуем. Я без всяких предисловий приступлю к делу. Китти, голубка моя, может быть, в первую минуту я сделаю тебе больно, как там, в самом сокровенном уголке моего сердца, остро болит и у меня самого. Но я не имею права слушаться того голоса, который звучит в этом страждущем, священном уголке, теперь я обязан слушаться только другого голоса. И я покорился ему, Китти... – он опять остановился: – Я еду на войну.

Как ни храбрился Юрий, как ни твердо и сознательно было его решение, но в эту минуту, вблизи горячо любимой девушки, с такой силой говорило в нем личное, эгоистичное чувство, такой болью сжималось сердце от сознания, что он сейчас нанесет страдания этой нежно любящей душе, что голос его дрогнул и сорвался.

– Нужно ли мне говорить, – снова начал он, – что нелегко далась мне эта труднейшая борьба, борьба с самим собой. Поддержи же и ты меня, протяни руку. Словом, пойми, как ты можешь и умеешь это делать.

Он крепко сжимал ее руку; глаза его пристально и просяще смотрели в глаза девушки.

На минуту дрогнуло ее счастливое, розовое личико; вся краска сбежала с него. Закрыв глаза, она как-то беспомощно поникла, ошеломленная неожиданным ударом. Да, удар был силен, очень силен.

Но недолго пробыла Китти под его гнетом. В душе девушки, наряду с так неожиданно навалившимся на нее горем, проснулось что-то светлое, большое и радостное.

Ну, конечно, иначе быть не могло, не мог иначе почувствовать и решить ее Юрий, не могла не рвануться туда его чуткая, благородная душа, не могла не заставить забыть самого себя, свое личное чувство. Ведь именно за то, что он такой, она так горячо его и любит!

В одно мгновение пронеслось это в мозгу, вернее, в сердце девушки. Она почувствовала, что к ее любви к жениху прибавилось новое чувство: восторга, благоговения перед великим духом его.

Снова открывшиеся глаза Китти светло и ясно смотрели на Юрия, обдавая его лучистым светом. Руки девушки обвились вокруг его шеи и, прильнув головкой к его груди, она глубоким голосом прошептала:

– Милый мой, милый! Какой же ты хороший, большой, сильный!

– Я знал, что моя Китти поймет и благословит меня, – ответил растроганный молодой человек.

Они молча сидели, переживая все только что высказанное, прислушиваясь к тому, что происходило в сердце каждого.

В соседней комнате слышались шаги и голоса.

– Кажется, папа с мамой идут, – проговорила Китти.

– Это кстати, надо обо всем рассказать им. Милые, как они обрадуются и... огорчатся, особенно мамой.

– А-а! Дорогой гость!.. Здравствуй, дружок, – ласково приветствовала Анна Николаевна молодого человека.

– Как же поживает папаша? Все по-прежнему, бедняжка?

– Мерси, по-прежнему; ведь ее здоровье, или, вернее, нездоровье, на одной точке. Если нет ухудшения, мы уже говорим: слава Богу.

– Ну, что новенького да хорошенького скажешь нам, чем порадуешь? – в свою очередь облобызав молодого Муратова, спросил генерал.

– Новенькое у меня есть сегодня, такое большое и важное для меня. Им-то я и приехал поделиться с вами, – взволнованно начал Юрий. – Не судите меня слишком строго, если в такое тяжелое для России время я заговорю о личном деле, личном, эгоистичном чувстве, – продолжал он, – но у меня есть некоторое оправдание. Я хотел просить... Я хотел сказать

вам... Впрочем, вы, вероятно, давно знаете и уже поняли, о чем хочу я говорить в эту минуту. Я люблю Китти, люблю всей душой, мы любим друг друга взаимно... Скажите, ведь вы согласитесь принять меня членом своей семьи, на которую я всегда, почти с тех пор, как начал помнить себя, смотрел как на родную, на всех вас, как на моих самых близких, самых дорогих...

Но Анна Николаевна не дала договорить взволнованному молодому человеку.

– Дружочек мой, ты знаешь, я давно искренне люблю тебя, ценю и верю. Тебе я не побоюсь вручить мою Китти, с тобой она не может быть несчастной. И я, и муж мы всегда желали и – что греха таить? – ждали, что, рано или поздно, ты заговоришь с нами об этом. Знаю, твоя татапа тоже расположена к моей дочери. Христос же с вами! Пошли вам Господь всего, всего хорошего. Поди, деточка, – подозвала она Китти. – От всей-всей души поздравляю. Будьте счастливы, родные мои!

Одним общим объятием охватив голову дочери и Юрия, Троянова набожно трижды перекрестила каждого из них.

– Рад, рад, рад и я всей душой, дорогие мои, – в свою очередь обнимая и благословляя жениха с невестой, проговорил генерал. – Сын Николая Муратова не может не быть порядочным человеком и сделать жену свою несчастной. Совет да любовь!

В это время с шумом распахнулась дверь, и в гостиную с искрящимися глазами, розовая и улыбающаяся, влетела Женя. Следом за ней, тоже радостно улыбаясь, но более сдержанным шагом, появился Сережа.

Лишь на минуту забежав в спальню, чтобы пригладить волосы и сполоснуть липкие руки и губы, Женя примчалась к окну гостиной прямо от жаровен и тазов с вареньем, но увидев Юрия и Китти разговаривающими там в уголку с такими необыкновенными, еще никогда не виденными ею лицами, девочка поняла, что происходит нечто особенное, нечто «чудное-пречудное». Раз Юрий приехал, то уж наверняка все-все скажут папá и мамá, и в доме будет такая радость, такая радость!.. Ах, поскорей бы уж!..

И Женя, сознавая себя лишней, не замеченная разговаривающими, деликатно удалилась. Она стрелой понеслась сообщать о своих предположениях Сереже. Затем, когда в доме раздались голоса, явственно долетавшие до бродившей в нетерпеливом ожидании под окнами Жени, она поняла, что «это» сейчас совершится, что Юрий «скажет», и, охваченная страхом, как бы вдруг им с Сережей не пропустить этой «чудной» минуты, торопливо обежав кругом всего дома, сияющая, счастливая предвкушением чужого счастья, влетела в гостиную.

Неужели опоздала? Нет, нет, как раз вовремя: вот папá обнимает Юрия и Китти.

– Вот и хорошо! Ах, как хорошо! Как я рада! – уже громко воскликнула она, хлопая в ладоши и опять совсем по-детски, сперва присев на корточки, весело запрыгала.

– Вот кто недоволен, она не согласна на вашу помолвку, – указывая на Женю, смеясь, заметил генерал.

– Милые, душки, золотые вы мои! Наконец-то надумались! У меня уж терпения не хватало ждать. Ну как же я рада! Как это хорошо! Вот чудно!

– Ну-с, Юренька, – обратилась девочка к Муратову, – теперь уж я и вас чмокну. Да-с! Нынче вы больше не «Юрий Николаевич» и не «вы», теперь «ты» и «Юрчик».

Болтая так, девочка успела раз десять перевеситься с шеи сестры на шею ее жениха.

Юрий ласково поцеловал обе руки Жени, дружественно и сердечно обнялся с Сергеем.

– Я не все еще высказал, чем имею поделиться с вами, – снова заговорил молодой Муратов, когда несколько стихли первые бурные порывы чисто детского восторга Жени. – Мои дальнейшие новости не такие радостные, как первая. Я потому и просил не судить меня слишком строго за то, что в такое тяжелое время даю волю личной жизни, стремлюсь

к осуществлению личной мечты, личного счастья. А время очень тяжелое: Наполеон уже в Вильне.

– Не может быть!

– Неужели? – раздались пораженные возгласы.

– К несчастью, это – горькая истина, – грустно продолжал Муратов. – Он беспрепятственно вошел в этот город, где восторженно был встречен поляками, которые встали на его сторону. Наши войска отступают...

Эта тяжелая весть словно громом поразила присутствующих.

– Но почему отступают наши? Недостаточны стянутые к границе силы, чтобы идти в открытый бой с союзной армией? Или существуют к тому какие-нибудь особые соображения? – спросил Троянов.

– Право, ничего не могу вам ответить на этот вопрос. Вероятно, оба ваши предположения не лишены основания. Во всяком случае, люди там нужны, чем больше их будет, тем лучше. Я решил немедленно ехать в действующую армию, вот почему я и позволил себе сегодня заговорить о своих личных делах. Хочется, уезжая, увезти с собой в душе большую радость, чтобы черпать из нее силу и бодрость, если они почему-либо станут изменять.

– Как? Ты хочешь уехать теперь, сейчас? – взволнованно заговорила Анна Николаевна: – Боже мой, это так ужасно! А как оставишь ты свою больную маман? Как перенесет она этот удар? Как...

«Как ты расстанешься с Китти, как она, бедняжка, вынесет эту разлуку?» – хочется добавить женщине. Любящее материнское сердце, вопреки всем другим соображениям, сжимается острой болью при мысли о том горе, которое нанесут ее девочке. Но она, не договорив вслух своей мысли, останавливает тревожный взгляд на лице дочери.

– А Китти-то, Китти-то как же? Что с ней будет? Как же вы ее оставите? Как она тут без вас жить будет?! – словно подслушав мысли матери, полным укора и негодования голосом бросает горячая Женя.

Оскорбленная за сестру, охваченная острой жалостью к ней за возмутительный, бесчеловечный, по ее мнению, поступок жениха, она любовно и тоскливо заглядывает в глаза Китти. Но и она, и Анна Николаевна поражены тем ясным, почти радостным выражением, которым светятся глаза девушки.

– Да, бедная маман, – весь уйдя в себя при напоминании о матери и, видимо, не слышав хорошенько протеста Жени, задумчиво проговорил Юрий. – Как тяжело мне покидать ее, такую больную, такую несчастную. Как мертвенно побледнело ее прекрасное лицо, как задрожали тонкие, прозрачные руки, какие крупные, неудержимые слезы заструились по ее исхудалым щекам, когда я сказал о своем решении...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.